

А.И. Аврус, А.А. Гапоненко, В.Н. Данилов. История Саратовского университета. Т. 1. 1909–1945. 296 с., ил.; А.П. Мякшев. История Саратовского университета. Т. 2. 1945–2009. 348 с., ил. Саратов: Издательство СГУ, 2009.

В 2009 г. исполнилось 100 лет со дня основания одного из старейших в стране Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (СГУ) (до революции Императорский Николаевский Саратовский университет). К юбилею университет выпустил 2-томный фундаментальный труд, который в определенной степени подводит итоги более чем полувековой традиции¹ изучения истории университета. Хотя рецензируемому труду присущи атрибуты юбилейного издания (большой формат, превосходное качество печати, обилие иллюстраций, и проч.), он является также полноценным и масштабным научным исследованием. Издание снабжено всем необходимым научно-справочным аппаратом. Каждый том помимо основного содержания содержит хронологические таблицы и документальные приложения.

При написании истории Саратовского университета авторы избрали комбинированный принцип изложения материала. С одной стороны, работа содержит главы, в которых отражены наиболее важные моменты истории университета такие, как, подготовка к открытию и основание университета с конца XIX в. до 1909 г., становление университета (1910–1917), его кризис (1929–1935) и др. Наряду с этим имеются главы, отражающие историю развития университета в рамках привычной нам периодизации истории России.

Авторы рецензируемой работы справедливо указывают, что подлинное своеобразие истории Саратовского университета заключается в том, что инициатива его организации с самого начала шла со стороны не власти, а общества. Первые инициативы появились еще в конце 1850-х гг., затем они неоднократно повторялись со стороны местного земства и даже в определенной мере поощрялись местными властями. Но даже в эпоху либеральных реформ 1860–1870-х гг. они не нашли отклика у столичной бюрократии. «Три четверти государственных преступников и почти все царубийцы побывали в университетах», – цитируют в качестве обоснования такой политики слова министра внутренних дел Н.П. Игнатьева авторы книги (т. 1, с. 12). Правда, потребность в квалифицированных специалистах по мере бурного экономического развития России в конце XIX – начале XX в. все острее давала о себе знать, и новые учебные заведения все же открывались. Но это были не классические

университеты, а технические институты. В итоге за 36 лет царствования Александра III и Николая II в стране было открыто всего 2 университета – Томский и Саратовский. При этом власти поначалу ограничивали их деятельность одним медицинским факультетом. Почти полувековая борьба саратовской общественности за «свой» университет завершилась лишь в 1909 г., причем сдвинуть дело с мертвой точки удалось только при активном содействии бывшего саратовского губернатора П.А. Столыпина. «В деле основания университета в Саратове я ваш убежденный сторонник и союзник», – цитируют авторы слова премьера, сказанные им в 1907 г. очередной депутации саратовской общественности.

Торжественное открытие нового университета прошло 6 декабря 1909 г. Он разделил многие противоречивые тенденции, которые были характерны для российской высшей школы начала XX в. В книге подробно освещаются конфликты, которые возникали между министерством и университетом относительно избрания ректора и проректора в 1913 г., студенческие волнения и беспорядки. Парадокс развития Саратовского университета в наступившую затем эпоху войн и революций заключался в том, что это время принесло ему не только многочисленные испытания, но и мощный стимул для преобразования в полноценный классический университет. В июле 1917 г. Временное правительство приняло решение об образовании трех «недостающих» факультетов – физико-математического, историко-филологического и юридического. Прием на эти факультеты был запланирован на сентябрь 1917 г., поэтому руководству университета пришлось провести поистине титаническую работу, чтобы за 2 месяца успеть провести все подготовительные мероприятия, включая приглашение профессоров на кафедры вновь создаваемых факультетов.

С этой задачей университет справился вполне успешно. В целом же, несмотря на все те ощутимые потери, которые понесло отечественное высшее образование после Октябрьской революции и в ходе Гражданской войны, в Саратове сложился довольно молодой, но очень представительный коллектив университетской профессуры. В разгар Гражданской войны в одном месте собрались такие научные авторитеты, как первый декан историко-филологического факультета СГУ С.Л. Франк,

будущие академики и члены-корреспонденты АН СССР Ф.П. Саваренский, Л.С. Лейбензон, Н.И. Вавилов, В.М. Жирмунский, Н.Н. Андреев, Н.К. Пиксанов, И.И. Привалов, Н.Н. Яковлев, и др. Авторы раскрывают и причины этого: «Во-первых, продолжали работать прибывшие с открытием новых факультетов профессора. Во-вторых, в начале Гражданской войны в Саратове было сытнее и спокойнее, чем в Москве и Петрограде, что обусловило приезд крупных ученых. В-третьих, существовала группа московских и петроградских ученых, которые в годы Гражданской войны перемещались из одного университетского города в другой, опасаясь репрессий из-за своей социальной и политической принадлежности» (т. 1, с. 93).

Одновременно с этим университет в полной мере испытал на себе политику пролетаризации высшей школы, которая воплощалась в жизнь Наркомпросом вплоть до конца 1920-х гг. Как и другие вузы страны, СГУ им. Н.Г. Чернышевского (так университет стал называться с 1923 г.) практически лишился университетской автономии и подвергался неоднократной реорганизации. По словам авторов книги, до конца 1920-х гг. уцелел без существенных для себя потерь лишь медицинский факультет. Остальные либо были преобразованы, либо же вовсе были выведены из состава университета, образовав новые самостоятельные институты (агрономический факультет). Тяжело давались и попытки замены традиционной лекционно-семинарской системы на более «прогрессивные» методы обучения. К концу 1920-х гг. в руководстве СССР обсуждалось даже закрытие большинства университетов с заменой их на специализированные институты, призванные готовить кадры для начавшейся индустриализации.

К середине 1930-х гг. курс на уничтожение университетского образования в СССР был свернут. Причиной этого стал все тот же дефицит специалистов (теперь уже в сфере фундаментальных исследований), без которых было немыслимо создание новых технологий и, в конечном счете, подготовка тех же инженерно-технических кадров. После принятия СНК серии постановлений о восстановлении вступительных экзаменов, академических званий и защит диссертаций, о преподавании истории и др. начался процесс восстановления советских университетов. Причем в ряде случаев они получали некоторые элементы университетской автономии, характерные для дореволюционной русской традиции. Так, были восстановлены ученые советы, допускались выборы деканов и заведующих кафедрами. Однако все это происходило на прин-

ципально иной, партийной основе и жестко контролировалось. Тем не менее, уже в 1933 г. в СГУ были вновь введены вступительные экзамены, восстановлен ученый совет, существенно расширены фонды библиотеки, были сформированы 4 факультета (из 6, допущавшихся по штату Наркомпросом), открыт прием в аспирантуру.

Эпоха репрессий сказалась на СГУ двояким образом. С одной стороны, усилиями директора университета Г.К. Хворостина (не всегда безопасными для него лично) в штат университета принимались многие известные советские ученые, которые к тому времени уже подверглись репрессиям и были высланы в Саратов. Так, к 1937 г. среди профессоров, научных и технических сотрудников СГУ мы находим академика АН СССР, основателя и первого директора ИМЭЛ Д.Б. Рязанова, академика АН СССР литературоведа В.Н. Перетца, будущих академиков АН СССР химика Б.П. Никольского, биолога Н.А. Максимова, известного советского историка А.М. Панкратову, и др. И хотя в 1937 г. серьезный удар был нанесен уже по СГУ, заложенные ими традиции серьезной научной работы позже дали о себе знать. Сам же Г.К. Хворостин был расстрелян в 1938 г., но, как утверждают авторы «Истории Саратовского университета», не назвал в ходе допросов ни одного имени. Это не позволило органам НКВД состряпать дело о контрреволюционной организации в университете и спасло жизнь многим его сотрудникам.

Во время Великой Отечественной войны уход на фронт значительного числа преподавателей вместе с депортацией немцев из бывшей немецкой автономии в Поволжье привел к кадровому голоду в университете. Несмотря на то что число студентов значительно сократилось, а в связи с войной был сокращен до 3 лет срок обучения, преподавателей все равно не хватало. В этой ситуации позитивную роль сыграла эвакуация в Саратов к весне 1942 г. коллектива Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Авторы работы специально подчеркивают, что, хотя ЛГУ и СГУ на всем протяжении совместной работы на базе Саратовского университета оставались отдельными учреждениями, многие сотрудники ЛГУ совмещали свою работу с преподаванием в СГУ, участием в работе ученых советов Саратовского университета и совместных научных работах. Более того, с июня 1942 г. и до конца пребывания ЛГУ в Саратове в 1944 г. обоими университетами руководил ректор ЛГУ А.А. Вознесенский.

Второй том рецензируемого издания открывает глава о послевоенных буднях Са-

ратовского университета. Как и вся страна в конце 1940-х гг. он испытал на себе и все «прелести» идеологических кампаний борьбы с «космополитизмом». По мнению областных советских и партийных властей, «Саратовский университет засорен бывшими денкинками и меньшевиками, участниками антипартийных группировок и в прошлом репрессированными лицами» (т. 2, с. 23). Последнее из утверждений было правдой. Согласно приводимым в книге данным, в отдельные годы число подобных «проблемных» с точки зрения властей сотрудников доходило временами до половины штатного состава СГУ. В этом смысле удивительно, что университет сумел пережить это суровое время без серьезных потерь в плане увольнений или арестов своих сотрудников. И отнюдь не только из-за его удаленности от руководящих центров идеологических кампаний. В рецензируемом труде приводится целый ряд показательных примеров корпоративной сплоченности и человеческой солидарности университетских людей перед лицом самых нелепых обвинений.

К своему юбилею СГУ подошел, имея в своем составе 30 факультетов, 3 учебных института и 3 колледжа. Всего сегодня в СГУ им. Н.Г. Чернышевского обучается около 30 тыс. студентов и аспирантов. Признанием заслуг Саратовского университета и его вклада в развитие отечественной науки является включение его в 2010 г. в число научных исследовательских университетов России. Содержание

рецензируемого 2-томника свидетельствует о закономерности этого факта.

Многие из замечаний, которые можно было бы сделать авторам издания, диктуются его юбилейной формой. Так, хотелось бы просить более подробный анализ источниковой базы исследования, обзор архивных фондов, на которых оно велось, более развернутую характеристику существующей историографической традиции. С другой стороны, при наличии в работе научно-справочного аппарата, включающего сноски, именные указатели, хронологические таблицы, было бы полезным дать в конце исследования в отдельном разделе более развернутую библиографию. Это сделало бы книгу более востребованной среди студентов и специалистов. Тем не менее нельзя не признать, что на сегодняшний день рецензируемое издание является наиболее полным изложением исторического пути этого авторитетного российского вуза в существующей исторической литературе.

**Д.А. Гутнов, доктор исторических наук
(Музей истории Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова)**

Примечание

¹ Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1935; Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959.

Я. Плампер. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. Авторизированный перевод с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 496 с. (Серия «Очерки визуальности»)

Рецензируемую книгу по праву можно назвать долгожданной. Немецкий историк Ян Плампер (Институт восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета / Институт Макса Планка по исследованию образования, Берлин) еще в 2001 г. защитил в Калифорнийском университете (Беркли) диссертацию о культе Сталина в изобразительном искусстве. С тех пор вышло несколько его статей по отдельным сюжетам будущей книги. И вот книга наконец увидела свет. Причем в данном случае русскоязычной ученой публике особенно повезло. Благодаря оперативности и заинтересованности издательства «Новое литературное обозрение», авторизированный перевод книги опубликован раньше англоязычного оригинала в специально созданной несколько лет назад серии «Очерки визуальности».

Монография Я. Плампера, естественно, не является первой в ряду исследований визуальной культуры СССР. Специальное изучение визуальных образов эпохи Сталина уже имеет собственную традицию, главным образом, благодаря усилиям американских историков. Однако в те годы, когда Плампер начал работу над исследовательским проектом, на этом исследовательском поле были прочерчены лишь первые «бороздки». В конце 2002 или начале 2003 г. он рассказывал мне о веселом оживлении публики во время его доклада в Кембридже. Причиной недоуменного веселья было применение им серьезного искусствоведческого анализа в отношении сталинской живописи, воспринимавшейся аудиторией как довольно примитивный кич. Теперь ситуация иная, и книга Плампера дает еще один повод